Артур Конан Дойл

Номер 249

Перевод с английского
Натальи Высоцкой

ФТМ

Артур Конан Дойл

Номер 249

«ФТМ»

1892

Дойл А.

Номер 249 / А. Дойл — «ФТМ», 1892

ISBN 978-5-4467-2789-6

«Вряд ли когда-нибудь удастся точно и окончательно установить, что именно произошло между Эдвардом Беллингемом и Уильямом Монкхаузом Ли и что так ужаснуло Аберкромба Смита. Правда, мы располагаем подробным и ясным рассказом самого Смита, и кое-что подтверждается свидетельствами слуги Томаса Стайлса и преподобного Пламптри Питерсона, члена совета Старейшего колледжа, а также других лиц, которым случайно довелось увидеть тот или иной эпизод из цепи этих невероятных происшествий. Главным образом, однако, надо полагаться на рассказ Смита, и большинство, несомненно, решит, что скорее уж в рассудке одного человека, пусть внешне и вполне здорового, могут происходить странные процессы и явления, чем допустит мысль, будто нечто совершение выходящее за границы естественного могло иметь место в столь прославленном средоточии учености и просвещения, как Оксфордский университет. Но если вспомнить о том, как тесны и прихотливы эти границы естественного, о том, что, несмотря на все светильники науки, определить их можно лишь приблизительно, и что во тьме, вплотную подступающей к этим границам, скрываются страшные неограниченные возможности, то остается признать, что лишь очень бесстрашный, уверенный в себе человек возьмет на себя смелость отрицать вероятность тех неведомых, окольных троп, по которым способен бродить человеческий дух…»

ISBN 978-5-4467-2789-6

© Дойл А., 1892
© ФТМ, 1892

Артур Конан Дойл
Номер 249

Вряд ли когда-нибудь удастся точно и окончательно установить, что именно произошло между Эдвардом Беллингемом и Уильямом Монкхаузом Ли и что так ужаснуло Аберкромба Смита. Правда, мы располагаем подробным и ясным рассказом самого Смита, и кое-что подтверждается свидетельствами слуги Томаса Стайлса и преподобного Пламптри Питерсона, члена совета Старейшего колледжа, а также других лиц, которым случайно довелось увидеть тот или иной эпизод из цепи этих невероятных происшествий. Главным образом, однако, надо полагаться на рассказ Смита, и большинство, несомненно, решит, что скорее уж в рассудке одного человека, пусть внешне и вполне здорового, могут происходить странные процессы и явления, чем допустит мысль, будто нечто совершение выходящее за границы естественного могло иметь место в столь прославленном средоточии учености и просвещения, как Оксфордский университет. Но если вспомнить о том, как тесны и прихотливы эти границы естественного, о том, что, несмотря на все светильники науки, определить их можно лишь приблизительно, и что во тьме, вплотную подступающей к этим границам, скрываются страшные неограниченные возможности, то остается признать, что лишь очень бесстрашный, уверенный в себе человек возьмет на себя смелость отрицать вероятность тех неведомых, окольных троп, по которым способен бродить человеческий дух.

В Оксфорде, в одном крыле колледжа, который мы условимся называть Старейшим, есть очень древняя угловая башня. Под бременем лет массивная арка над входной дверью заметно осела, а серые, покрытые пятнами лишайников каменные глыбы, густо оплетены и связаны между собой ветвями плюща – будто мать-природа решила укрепить камни на случай ветра и непогоды. За дверью начинается каменная винтовая лестница. На нее выходят две площадки, а третья завершает; ее ступени истерты и выщерблены ногами бесчисленных поколений искателей знаний. Жизнь, как вода, текла по ней вниз и, подобно воде, оставляла на своем пути эти впадины. От облаченных в длинные мантии, педантичных школяров времен Плантагенетов до молодых повес позднейших эпох – какой полнокровной, какой сильной была эта молодая струя английской жизни! И что же осталось от всех этих надежд, стремлений, пламенных желаний? Лишь кое-где на могильных плитах старого кладбища стершаяся надпись да еще, быть может, горстка праха в полусгнившем гробу. Но цела безмолвная лестница и мрачная старая стена, на которой еще можно различить переплетающиеся линии многочисленных геральдических эмблем – будто легли на стену гротескные тени давно минувших дней.

В мае 1884 года в башне жили три молодых человека. Каждый занимал две комнаты – спальню и гостиную, – выходившие на площадки старой лестницы В одной из комнат полуподвального этажа хранился уголь, а в другой жил слуга Томас Стайлс, в обязанности которого входило прислуживать трем верхним жильцам. Слева и справа располагались аудитории и кабинеты профессоров, так что обитатели старой башни могли рассчитывать на известное уединение, и потому помещения в башне очень ценились наиболее усердными из старшекурсников. Такими и были все трое: Аберкромб Смит жил на самом верху, Эдвард Беллингем – под ним, а Уильям Монкхауз Ли – внизу.

Как-то в десять часов, в светлый весенний вечер, Аберкромб Смит сидел в кресле, положив на решетку камина ноги и покуривая трубку. По другую сторону камина в таком же кресле и столь же удобно расположился старый школьный товарищ Смита Джефро Хасти. Вечер молодые люди провели на реке и потому были в спортивных костюмах, но и, помимо этого, стоило взглянуть на их живые, энергичные лица, как становилось ясно, – оба много бывают на воздухе, их влечет и занимает все, что по плечу людям отважным и сильным. Хасти и в самом деле был загребным в команде своего колледжа, а Смит был гребцом еще более сильным, но тень

приближающихся экзаменов уже легла на него, и сейчас он усердно занимался, уделяя спорту лишь несколько часов в неделю, необходимых для здоровья. Груды книг по медицине, разбросанные по столу кости, муляжи и анатомические таблицы объясняли, что именно и в каком объеме изучал Смит, а висевшие над каминной полкой учебные рапиры и боксерские перчатки намекали на способ, посредством которого Смит с помощью Хасти мог наиболее эффективно, тут же, на месте, заниматься спортом. Они были большими друзьями, настолько большими, что теперь сидели, погрузившись в то блаженное молчание, которое знаменует вершину истинной дружбы.

– Налей себе виски, – сказал, наконец, попыхивая трубкой, Аберкромб Смит. – Шотландское в графине, а в бутыли – ирландское.

– Нет, благодарю. Я участвую в гонках. А когда тренируюсь, не пью. А ты?

– День и ночь занимаюсь. Пожалуй, обойдемся без виски.

Хасти кивнул, и оба умиротворенно умолкли.

– Кстати, Смит, – заговорил вскоре Хасти, – ты уже познакомился со своими соседями?

– При встрече киваем друг другу. И только.

– Хм. По-моему, лучше этим и ограничиться. Мне кое-что известно про них обоих. Не много, но и этого довольно. На твоем месте я бы не стал с ними близко сходиться. Правда, о Монкхаузе Ли ничего дурного сказать нельзя.

– Ты имеешь в виду худого?

– Именно. Он вполне джентльмен и человек порядочный. Но, познакомившись с ним, ты неизбежно познакомишься и с Беллингемом.

– Ты имеешь в виду толстяка?

– Да, его. А с таким субъектом я бы не стал знакомиться.

Аберкромб Смит удивленно поднял брови и посмотрел на друга.

– А что такое? – спросил он. – Пьет? Картежник? Наглец? Ты обычно не слишком придирчив.

– Сразу видно, что ты с ним незнаком, не то бы не спрашивал. Есть в нем что-то гнусное, змеиное. Я его не выношу. По-моему, он предается тайным порокам – зловещий человек. Хотя совсем не глуп. Говорят, в своей области он не имеет равных – такого знатока еще не бывало в колледже.

– Медицина или классическая филология?

– Восточные языки. Тут он сущий дьявол. Чиллингворт как-то встретил его на Ниле, у вторых порогов, Беллингем болтал с арабами так, словно родился среди них и вырос. С коптами он говорил по-коптски, с евреями по-древнееврейски, с бедуинами – по-арабски, и они были готовы целовать край его плаща. Там еще не перевелись старики отшельники – сидят себе на скалах и терпеть не могут чужеземцев. Но, едва завидев Беллингема – он и двух слов сказать не успел, – они сразу же начинали ползать на брюхе. Чиллингворт говорит, что он в жизни не наблюдал ничего подобного. А Беллингем принимал все как должное, важно расхаживал среди этих бедняг и поучал их. Не дурно для студента нашего колледжа, а?

– А почему ты сказал, что нельзя познакомиться с Ли без того, чтобы не познакомиться с Беллингемом?

– Беллингем помолвлен с его сестрой Эвелиной. Прелестная девушка, Смит! Я хорошо знаю всю их семью. Тошно видеть рядом с ней это чудовище. Они всегда напоминают мне жабу и голубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.